

Ло Юнь, не говоря ничего, немедля вышел дать распоряжение. Цзы Янь, отведав блюд Цю Лань, был больше чем сыт, а увидев, что князь сидит с кислой миной, выпустил палочки для еды и заботливо поинтересовался:

— Князь Мин раздосадован из-за того, что принц Тун относится к Вам враждебно? Ваш подчинённый пока ехал, получал новости из страны Тун, и к счастью, на пути встретился с Мянью Я, который ответственен за разведку и сбор новостей со всех концов света, он как раз торопился в Фаньцзя. Ваш подчинённый предположил: хоть положение в Тун и опасно, но кризис незначителен. — Слова Цзы Яня, который был осторожнее Жун Ху, внезапно заставили толпу насторожиться.

Фэн Мин, спешно приблизив голову, не постеснялся спросить:

— В каком это смысле?

— Рубежи Тун как раз в данное время трещат по швам. Князь Мин не знал? — с лёгким изумлением Цзы Янь посмотрел на Его Светлость и спокойно стал анализировать: — Пока император Тун, Цин Дин, был жив, то императорская власть, конечно же, была в его руках, но его родной младший брат Цин Чжан, в свою очередь, являясь дядюшкой наследному принцу, тоже имел огромный вес внутри страны. А сейчас, когда император Тун мёртв, царствующий дядюшка, Цин Чжан, тотчас же завладел властью, как будто является ещё одним императором Тун.

На что князя посетила мысль: «На самом деле нужно звать его принцем-регентом», вот только перебивать слова Цзы Яня он, конечно, не мог, и продолжил слушать дальше.

— Сейчас хоть Цин Дин мёртв, однако у наследного принца нет возможности взойти на престол.

— Ха? Почему? — изумительным голоском отозвались близняшки, одновременно задав один и тот же вопрос.

— Поскольку почти вся верховная власть сейчас в руках его царствующего дядюшки Цин Чжана, который до сих пор не собирается признавать, что его старший брат Цин Дин мёртв. А поскольку государь Тун «жив», наследный принц, естественно, не может взойти на престол. Ну, а если он этого не может, то и отнять власть у правящего дядюшки не способен.

На лице Цю Лань застыло недоумение:

— Но Цин Дин, очевидно, уже мёртв. По всем странам разлетелись эти слухи, как может его младший брат отрицать это?

На что Цзы Янь с улыбкой задал встречный вопрос:

— Слухи остаются лишь слухами; какие у наследного принца Тун — Цин Ли — доказательства, подтверждающие смерть отца-императора?

Приняв задумчивый вид, а спустя минуту внезапно поняв, князь уставился, округлив глаза, и громко заявил:

— Я понял!

Цю Юэ спешно спросила:

— Что князь Мин понял?

— Я понял, почему наследный принц Тун хочет отомстить мне за смерть отца-императора. — Приводя мысли в порядок, Фэн Мин быстро озвучил свою точку зрения: — Лишь доказав, что его отец мёртв, Цин Ли может унаследовать престол отца-императора. Поэтому сейчас Цин Ли очень хочет сделать так, чтобы все люди признали его отца действительно мёртвым. И раз императора Тун убили, то наверняка нужно убить того, кто это сделал. Он, не найдя настоящего убийцу, сразу разглядел его во мне. А кто у нас знаменит, как не я, а? К тому же я мастерски умею привлекать неприятности.

«В каждом его слове, каждом звуке[1] слышится, что это я — убийца, и месть мне на самом деле — лишь напускная видимость, что его отца-императора действительно убили. Гад! Бездушный! Даже если он прекрасно знает, что я несправедливо обвинён, то он наверняка сможет нанести мне удар! Он сделает это лишь из-за желания заполучить свой престол! Бессовестный! Ладно, собственно говоря, думаю при нашей встрече как можно яснее объяснить ему, что невиновен...»

Увидев его негодование, Цзы Янь вспомнил слова Жун Тяня: «Какое бы ни было настроение у Фэн Мина, он всегда такой очаровательный», и, не сдержавшись, поднял уголки губ, спокойно проронив:

— Князю Мину сначала нужно усмирить свой гнев. Если Цин Ли надеется за счёт жизни Вашей Светлости добиться желаемого, то есть один человек, который не позволит ему этого сделать.

Фэн Мин застыл, глупо моргая большими глазами, но всё же кивнул, выражая понимание.

«Верно, Цин Чжан не позволит ему так поступить. Во-первых, если так случится, то страна Тун одновременно обидит и Жун Тяня, и род Сяо; во-вторых, предположим, что если Цин Ли под предлогом мести за своего отца навредит мне, то разве подобное не расценится как публичное признание того, что Цин Дин мёртв? И тогда Цин Чжан будет вынужден вернуть и престол, и власть своему племяннику».

Подумав об этом, Фэн Мин в душе успокоился, глаза засияли, а сам князь с насмешкой сказал:

— Хи-хи, в Тун сейчас, должно быть, самый могущественный — Цин Чжан.

В душе похвалив Его Светлость за неплохую проницательность, Цзы Янь кивнул:

— Поэтому, оказавшись в Тун, князю Мину нужно будет воспользоваться конфликтом между дядюшкой и племянником, чтобы легко избавиться от нависшей над ним угрозы. Цин Чжан держит большую часть военной мощи в своих руках, стоит только ему согласиться защитить Вашу Светлость, и тогда князю Мину никто и ничто не сможет угрожать.

— Ладно! — с силой хлопнул в ладоши Фэн Мин, придя в восторг. — Ладно! Ха-ха! Я уверен, всё наладится! Хо-хо.

От услышанного глаза трёх служанок просияли, а сами девушки, собравшись вместе, постарались хлопнуть в ответ, громко поддерживая господина. Стоящая снаружи стража, услышав поднявшийся в комнате шум, в бессилии покачала головой: неизвестно, в какие ещё забавы решил поразвлечься этот князь Мин.

Порадовавшись какое-то время, несколько человек затихли. К этому моменту Фэн Мин, как и девушки, заметил, что Жун Ху и Цзы Янь, подобно горе, спокойно сидели, смотря на них.

Лицо Жун Ху, кто бы мог подумать, слегка посерьёзнело.

— Жун Ху?

— Несмотря на семейные проблемы внутри царствующего дома Тун, данный конфликт наверняка не считается чем-то секретным. И раз уж Мянью Я удалось о нём узнать, то почему мы оставались в неведении? — И телохранитель Силэй приглушённо продолжил: — Узнай мы раньше, разве позволили бы беспокоиться князю Мину столько дней?

На что Цзы Янь вторил:

— Этот подчинённый находит данную ситуацию крайне странной.

Текущую проблему невозможно было упустить из виду. Даже три «коварные» и совершенно не чувствовавшие подвоха служанки также призадумались.

— С того момента, когда мы взошли на борт джонки, все отправленные лазутчики были из семьи Сяо, и лишь спустя время, когда информация проходила через людей господина Сяо, мы о ней узнавали. — Стоило Жун Ху уехать, как господин министр Ле Чжунлю немедленно отправил Мянью Я на разведку. Без Мянью Я этот молодой генерал Жун Ху, которому Жун Тянь доверил

своих людей, находясь подле Фэн Мина, опирался бы лишь на сведения лазутчиков семьи Сяо, что изначально не вызывало нареканий. Вот только верилось с трудом, что шпионы семьи Сяо совершенно беспомощны в сборе информации. Ведь следовало понимать, что убийцы на торговом судне, прежде всего, нуждаются в достоверной и безошибочной информации, иначе получится ли тщательно составить план убийства?

Цю Син испуганно пролепетала:

— Неужели это Ло Юнь приказал скрывать сведения?

— Не должен. — Вот уж никто не мог подумать, что самый большой враг Ло Юня, Цю Юэ, внезапно станет заступаться за него, сама же девушка задумалась: — Я помню, как новость о том, что Цин Ли поклялся разорвать труп князя Мина на десять тысяч частей, доложил не Ло Юнь, а Ло Нин.

Увидев, как все странно таращатся на неё, Цю Юэ залилась румянцем и, надув губки, открыла ротик:

— Вы чего так смотрите на меня? Я[2] лишь сказала правду, в конце концов не думайте, что замолвила словечко за этого дурного мальчишку.

— Разве отцу и сыну в равной мере не нравится издеваться над князем Мином? — шёпотом спросила Цю Син.

— Всё равно, что Ло Юнь, что Ло Нин, они являются важными фигурами среди головорезов Сяо, и если они действительно втайне решили строить козни против князя Мина, то последствия могут оказаться жуткими. — Жун Ху, помолчав немного, хмуро добавил: — Обычно привыкшие убивать посчитают ниже своего достоинства строить козни за спиной, а то, чем занимаются отец с сыном, и впрямь отличается от принципов убийц.

Цзы Янь, по приезде столкнувшись с таким странным, но и в то же время важным делом, тщательно поразмышлял с минуту и приглушённо отозвался:

— Во-первых, не нужно выдвигать свои подозрения, ведь если бы они хотели навредить князю Мину, то, боюсь, он давно был бы уже мёртв, потому сейчас главное — тщательно изучить информацию о тех, кто ответственен за головорезов господина Сяо.

— Я могу позаботиться об этом деле, — вызвался Жун Ху.

Цзы Янь обменялся с ним взглядом. И так как они уже давно служили вместе, одного этого было вполне достаточно, чтобы понять друг друга. После чего Цзы Янь встал с места и, потягиваясь всем телом, сказал:

— Жун Ху отправляется изучать информацию о подручных Сяо, а мне, полагаю, сейчас нужно будет отправляться в Тун.

На что Фэн Мин, испугавшись, поднялся и, не скрывая горечь, поинтересовался:

— Ты только что приехал, так почему сразу же уезжаешь?

Прищуриив сверкающие глаза, взгляд которых был остр и ярок, Цзы Янь пояснил:

— Мянью Я уже отправился в Фаньцзя, мы же здесь находимся в неведении, так как нам не хватает точных данных о ситуации в стране. Если так и дальше продолжится, то разве мы избежим опасности? Ваш подчинённый обязательно отправится вперёд, и пока князь Мин не прибыл в Тун, Ваш подчинённый послужит для Вашей Светлости хорошим лазутчиком. Похоже, дело вовсе непростое, поэтому князю Мину на корабле стоит быть осторожным.

Цю Юэ спешно вмешалась:

— Оставайся на корабле, и если что-нибудь случится, ты позаботишься об этом лучше кого бы то ни было.

На что Цзы Янь ответил со смехом:

— Если же главарь головорезов Сяо — Ло Нин — действительно хочет отнять жизнь князя Мина, то с их количеством и навыками даже у меня не очень получится их остановить, а здесь на большой джонке меня лишь захоронят вместе с умершими, и всё. Само собой разумеется, я считаю, что скрывает сведения вовсе не Ло Нин, доброе имя этого человека славится много лет, и я слышан о его порядочности, потому он не должен так поступать, и вдобавок зачем ему убивать князя Мина? Но это всего лишь догадки, лучше успокоиться. Согласно нынешнему положению дел, даже если и существует опасность, то она, должно быть, скрыта на территории Тун, в конце концов, князь Мин является сыном наставника Сяо, который признал его публично своим наследником. Кто посмеет как попало обращаться с ним? Задумавший расправиться с князем Мином всего-навсего осмелится убить взятым взаймы ножом[3], но никогда не посмеет действовать самостоятельно.

Слушая его голос — блёклый и непоколебимый — Фэн Мин понимал, что телохранитель Его Величества уже принял решение, и, пристально глядя на него, князь вставил слово:

— Цзы Янь, положение в Тун такое смутное и беспорядочное, тебе непременно нужно быть осторожным, ты не я, у которого при себе много охраны, а тебе придётся ехать в одиночку.

Телохранитель Его Величества обнажил белые, подобно снегу, зубы:

— Князю Мину нужно успокоиться, Ваш подчинённый знает Тун как пять своих пальцев —

государь постоянно отправляет нас тайно тренироваться у побережья Тун, где нам приходится упражняться в морском бою неподалёку от пролива Даньлинь, поэтому, если настоящее положение вещей в стране окажется опасным, то Ваш подчинённый немедля скроется у побережья. Ручаюсь, что никто из стражников Тун не обнаружит ни волоса[4] Вашего подчинённого, — его спокойствие крайне смягчило напряжённую атмосферу.

Услышав его слова, смешанные со смехом, Фэн Мин проговорил:

— Вот как, кстати, говоря о Даньлинь, я вспомнил о деле, которое вызывает головную боль, ведь мне нужно проложить маршрут для перевозки светящегося песка, а пролив Даньлинь кишит немалым количеством морских разбойников...

— Об этом деле Ваш подчинённый, как только прибудет в Тун, всё разузнает ради князя Мина, — прервал Фэн Мина Цзы Янь. — Вашему подчинённому нужно немедля отправляться. Ваш подчинённый, всё тщательно разузнав, постарается вернуться задолго до того, как большая джонка Вашей Светлости коснётся берегов Тун.

Подойдя к Жун Ху, Цзы Янь шёпотом перебросился с ним парой фраз, после чего вновь обернулся и весьма пристально посмотрел на князя, отчего в мужественной внешности появилась шелковинка лёгкой и в то же время преисполненной уверенности улыбки:

— Государь велел, чтобы князь Мин во что бы то ни стало, очень сильно дожидаясь возвращения Его Величества, берёг себя. — Развернувшись кругом, силуэт, проشمгнув, скрылся за дверью.

В комнате остались лишь пять человек.

Также не сядя без дела, Жун Ху за минуту разработал план действий и, подняв голову, сказал:

— Ваш подчинённый отправится выяснять информацию о тех, кто ответственен за людей Сяо.
— И, не дожидаясь согласия князя, самовольно и решительно направился исполнять вверенные ему обязанности.

Проводив взглядом супруга, Цю Лань обернулась и посмотрела на близняшек, чьи нежные лица выглядели спокойнее, чем обычно, после чего девушка шёпотом проронила:

— Начиная с сегодняшнего дня нельзя позволять Ло Юню в одиночку охранять сон князя Мина.

На что сёстры решительно кивнули, желая изо всех сил защитить миловидную внешность князя Мина. Однако Цю Юэ вновь с серьёзностью проговорила:

— Но я по-прежнему не верю, что Ло Юнь замышляет расправу над князем Мином, ведь он тот

человек...

— Не говори, что не веришь, так как я тоже не верю, к тому же, по-моему, Ло Юнь не похож на злодея, несмотря на его злобный вид.

— Вот только всё же нужно быть начеку, небольшая осторожность не повредит, но, собственно говоря, Цзы Янь с Жун Ху не ошибаются на их счёт.

— Мы втроём по-прежнему будем всю ночь охранять Его Светлость, но не снаружи, а в самих покоях, как Ло Юнь, у кровати князя Мина, вот и всё.

Сидевший в одиночестве Фэн Мин, в свою очередь, с сомнением смотрел на тщательно обсуждающих важное дело служанок, которые слишком тесно скучковались, даже головами почти прижались друг к другу.

О, Небеса...

Вот только обстановка приветственного уютного ужина в честь Цзы Яня в итоге благодаря трём приближённым служанкам, которые тотчас, словно заводные, начали действовать, превратилась в напряжённую и давящую, будто они находятся перед лицом сильного врага.

«Господин министр, в этом путешествии, как Вы и предупреждали, обстоятельства, которых становится больше, с каждым днём меняются. Но смогу ли я, находясь под строгой охраной, вырасти в могучее дерево[5], как и мечтал? Сейчас кажется, будто, находясь под защитой трав, меня слишком сильно клонит к земле...» — Фэн Мин печально и протяжно вздохнул.

На столе, всё ещё оставаясь тёплыми, стояли блюда, приготовленные Цю Лань. А снаружи, где светил серебряный диск луны, знаменитая роскошная большая джонка господина Сяо по-прежнему медленно направлялась вперёд к берегам страны Тун.

Тем временем под той же луной на границе Фаньцзя огромные и великолепные повозки, защищённые целой вереницей отборных войск Ли, неспешно двигались в сторону столицы. В самую большую повозку из этого «каравана» были впряжены шестнадцать превосходных и несравненно крупных жеребцов, чьи копыта в едином и ровном темпе шли вперёд.

Сама же повозка, украшенная золотом, была великолепна и внушала ужас: на чёрном, висевшем на скобах полог, расшитом золотой нитью и каскадом укрывавшем повозку со всех сторон, красовался феникс — распустив по ветру крылья, он молча ступал беспорядочной походкой по такому же чёрному, как полог, мху, который стелился под его лапками.

Впереди и позади повозки размещалась бесчисленная охрана. Множественные доспехи, наточенные мечи и копыта сияли холодным блеском в свете луны. Тёмная ночь дарила чувство тяжести, потому никто из отряда не смел шуметь или разговаривать так, как хотелось.

Молчаливое войско неспешно передвигалось, а покрытая пологом, на котором переплетались с чёрной тканью золотые нити, мрачная повозка словно являлась центром сосредоточения ужасов и таинственности. Казалось, она обладала холодностью и жестокостью порочного хозяина-тирана, вызывая при малейшем взгляде, направленном в её сторону, сердечный трепет, от которого тотчас же немели конечности, словно внутри таился злой дух[6].

Возможно, так оно и было на самом деле. Выдвинувшись из Лайи, повозка уже подъезжала к столице Фаньцзя. На этом коротком отрезке пути, в отгороженной от всего мира чёрным пологом повозке немало было создано и отдано смертельных приказов, к тому же здесь хранились копии писем, в которых наёмники сообщали об их выполнении.

После того страшного кровопролития, произошедшего в императорском роду Фаньцзя, в котором была уничтожена семья третьей принцессы Фаньчжи, и после потери так называемого императора Фаньцзя Лун Тяня, государство сильно ослабло. Тёплая кровь, окропив землю, тотчас же остыла, и все министры Фаньцзя стали открыто выступать против ввода в столицу войск Ли, однако подавляющее большинство уже заткнуло их уста.

— Ваше... Ваше Величество... — слабый, подобный колокольчику голосок, который горько плача молил о пощаде, вырвался из-за опущенного чёрного полога и через мгновение рассеялся в дыхании ветра.

Само собой, плач Сы Цяна был подобен ягнёнку, с которого живьём сдирали кожу. В глазах юноши, что сейчас лежал на спине, раскинув ноги, отражался не терпящий строптивости сильный мужчина. Ещё один ни на волос не щадящий толчок почти пронзал все внутренности несчастного наложника. Хрупкое тело было охвачено дрожью, а сам юноша плакал и кричал, холодные белые руки гладили императора, который не дарил ничего, кроме боли.

— Государь... — дотронувшись до шеи императора Ли, что была до невероятности твёрдой, словно железо, так как мужчина годами оттачивал искусство меча и теперь обладал прекрасными рельефными мышцами, заливающийся слезами юноша крепко обхватил её, понимая, что впервые в жизни встречает такого сильного мужчину. Достаточно было приказать, и все наложники падали перед ним ниц, более того, в сравнении со стонущим и плачущим Сы Цянем, который не мог контролировать свои чувства, взгляд Жо Яня казался необычайно ясен.

— Отпусти. — Сбросив с шеи руки юноши, император Ли тотчас же поменял позу, перевернув к себе спиной юного наложника, позволяя последнему встать на колени. Разгорячённый член из-за смены положения проник очень глубоко.

Рыдающий Сы Цян звонко закричал.

Недавно извергшаяся сперма императора Ли залила опухшие красные ягодички и основание бёдер, острая боль раздалась в висках, и ужасающее удовольствие внезапным порывом пронзило сердце. Юноша, больше не в силах справиться с этим, изнеможённо упал ниц.

Недостаточно излившийся Жо Янь не позволил Сы Цяну улучшить момент для передышки, и, схватив обеими руками расслабленную поясницу, император Ли продолжил жестокий натиск.

Вытянув ноги насколько возможно, Сы Цян, казалось, лишился чувств и лишь изредка содрогался, словно его кто-то резко выдёргивал из дурного сна. Темп проникновения увеличивался всё больше и больше.

— М... ум... — Неописуемо-сильные страдания наконец-то позволили юноше вернуть ясность ума. На миг слегка приподняв привлекательное взгляду лицо, Сы Цян почувствовал, как бёдра вновь резко двинулись вперёд: — А!

Словно что-то внутри взорвалось, почти обжигая юношу, но в то же время он испытал удивительную наполненность.

Каждый цунь повозки, куда никто не смел заглянуть, был окутан навязчивым мускусным запахом двух мужчин.

На строгом лице Жо Яня мелькнула шелковинка удовлетворённости, которая была подобна цветам канны[7], что появлялись на мгновение[8].

Излив всё накопленное зло, мужчина вынул пенис и разжал руки, равнодушно позволяя Сы Цяну рухнуть на меховое покрывало. От начала и до конца на мужественном лице жестокого императора Ли не промелькнуло ни тени улыбки, всё, даже выражение глаз, было пропитано холодом.

— Государь... — Сы Цян, лёжа на меховом покрывале, небрежно перевернулся, и, не обращая внимания на белые развратные следы, взглядом красивых глаз блуждал, отыскивая этого крепкого мужчину, который совсем недавно овладевал[9] им до полусмерти. Мягкий, с нотками хрипотцы, голос звучал крайне нежно и любовно: — Только что...

— Ещё раз осмелишься при этом императоре открыть рот, этот император тотчас же отрежет тебе язык, — только что кончивший в юношу Жо Янь посмотрел на наложника так, будто перед ним находился незнакомый человек. — И ещё, тебе запрещено обнимать этого императора. — У Жо Яня, стоявшего на ногах, стройное тело в маленьком пространстве повозки вызывало чувство ужасного угнетения и подавленности.

Услышав бесчувственное предупреждение, Сы Цян закусил нижнюю губу, после чего лёг на место и, подняв голову, пристально наблюдал, как император, взяв заранее приготовленное полотенце, вытирает свой член. Сам же Жо Янь, совсем не обращая на юношу внимания, надел длинное платье.

Он не Фэн Мин... Если это действительно сметливый и строптивый князь Мин, то почему же так легко подчиняется? Бесстыдно обнимает за шею и, словно ничтожная проститутка, слезливо стонет?

Несмотря на большое внешнее сходство — даже, возможно, если закрыть глаза, можно представить, что они и впрямь похожи — в душе есть только один князь Мин, отныне и на века.

Жо Янь брезгливо отвернулся, и, вновь вернувшись за письменный стол, император Ли больше не смотрел на обнажённого и соблазнительного нового наложника. Ведь если бы в его, Жо Яня, объятиях находился тот самый, если бы только что, плача и стеновая во время соития, крепко обнимал его императорскую шею тот самый...

— Докладываю государю, пришло письмо! — громко донеслось снаружи, перебивая все императорские «если бы».

Жо Янь раскрыл пришедшее издали письмо, которое было написано младшей сестрой, и под пламенем свечей медленно прочёл всего лишь одну строчку: «Князь Мин попался, а может, нет. А, возможно, вскоре наконец-то попадётся». Эту фразу Жо Янь перечитал раза четыре, очень медленно, словно смакуя наивкуснейшую маслину.

И лишь потом на постоянно застывшем жестоком и холодном лице появилась лёгкая, подобная водяной ряби, улыбка.

Эта изумительная улыбка сильно изменила непоколебимые черты, казавшиеся твёрдыми, словно сталь.

Оставшийся в стороне Сы Цян широко распахнул красные от слёз глаза и, затаив дыхание и не веря, смотрел на Жо Яня, который на миг обнажил блёклый, но в то же время ласковый вид на столь красивом лице.

«Невероятно! Не могу поверить, что император Ли... способен на такие эмоции».

Юноша ошибочно полагал, что самый чувственный момент в его жизни случился, когда он по прошествии нескольких дней неожиданно добился расположения этого холодного мужчины. Но это, оказывается, было не так.

— Сы Цян, подойди, — чувствуя взгляд наложника на себе и выпуская из рук письмо младшей сестры, блёкло позвал Жо Янь.

Должно быть, император пребывал в хорошем расположении духа, поскольку, когда наложник приблизился к нему, всё же, словно не сдержавшись, погладил прохладную, но такую соблазнительную талию, позволяя ещё не приведшему себя в порядок и не смывшему с себя сперму дрожащему мальчику прильнуть к себе сбоку.

И Жо Янь мягко приказал:

— Закрой глаза. — Этот тон разительно отличался от строгого приказа, что недавно был

брошен юноше — не прикасаться к Его Величеству во время соития.

На что Сы Цян повиновался — закрыл глаза и слегка поднял лицо. Затаив дыхание, юноша ждал с нетерпением, понимая, что государь одарит поцелуем. Да к тому же очень нежным. Сы Цян тихо сжал кулаки и так разволновался, казалось, он вот-вот лишится чувств, более того, ему почти хотелось вцепиться в нижнюю губу зубами.

Государь...

Горячее дыхание постепенно приближалось, обдавая лицо. Перед тем, как напористые и охваченные страстью губы императора Ли прижались к его губам, глаза Сы Цяна уже наполнились слезами.

Было заметно, что поцелуй был полон нежности, кончик языка, отыскав вход, погрузился в глубины рта, с жадностью скользая, словно поглощая и крепко сплетаясь с языком юноши, казалось, император Ли не желал расставаться с наложником.

Ничто не могло заставить Сы Цяна разрыдаться в голос, как этот поцелуй. Небывалый напор, небывалая страсть. Государь сильными руками крепко обнял его и, держа в объятиях и не позволяя юноше вдохнуть, углубил безумный поцелуй.

Неважно. Не мог сделать вдох, неважно. Запаха этого мужчины было достаточно, чтобы юноша забыл как дышать, даже самостоятельно. Умереть в объятиях этого сильного и могущественного императора уже было великолепной участью.

Государь, мой государь...

Набравшись смелости[10] и обняв Жо Яня, который сейчас углублял поцелуй, Сы Цян влюблённо предавался этому сну наяву, не смея питать какие-либо надежды.

— Фэн Мин... — вырвался полный жажды шёпот-стон, который вырвал наложника из розовых облаков. Между вдохом тело Сы Цяна застыло. — Фэн Мин, мой князь Мин... Фэн Мин...

Каждый выпущенный стон императора Ли был подобен ножу, пронзая болью отчаянно ищущего смерти Сы Цяна.

Юноше казалось, что его не только безжалостно вырвали из розовых облаков, но ещё в очередной раз разбили вдребезги.

Примечания:

[1] Обр.: без усталости твердить.

[2] Цю Юэ произносит слово 己 (rénjiā) — жэньцзя — местоимение «я», которое выражает близость с собеседником, обычно шутливо или с оттенком каприза.

[3] Обр. в знач.: делать грязную работу чужими руками; отсылка к 3-ей стратагеме.

[4] Возможно, слова Цзы Яня отсылают к идиоме о нити паука и копытах лошади.

[5] В оригинале фраза звучит как «головой подпирать небо, ногами стоять на земле», обр. в знач.: могущественный, сильный, крепкий.

[6] 魔王(mówáng) — мован — 1) бес, злой дух, дьявол; 2) тиран; злодей; 3) колдун, волшебник, маг.

[7] Имеется в виду канна индийская (*Canna indica*) — крупный травянистый корневищный многолетник родом из Центральной и Южной Америки. Существует легенда, что канна — огненный цветок, символизирующий начало войны. И действительно, её алые лепестки напоминают языки пламени.

[8] Обр. в знач.: кратковременный, преходящий, мимолетный.

[9] 折腾(zhēteng) — чжэтэн — жарг. жарить, трахать по всякому.

[10] В оригинале фраза звучит как «жёлчный пузырь величиною с целый ковш», обр. в знач.: великое мужество, безмерная храбрость, безграничная доблесть.

<http://bllate.org/book/13377/1190226>